

Они просидели в заведении Сяо Ма-ге до самого вечера. Сверившись с часами, Жуньшэн поднялся и отправился в ночной клуб. С наступлением темноты этот квартал преображался: повсюду вспыхивали неоновые вывески, из дверей дискотек на улицу вырывался глухой рокот музыки, то и дело сновали легковушки, а вдоль переулков тянулись бесконечные ряды палаток с уличной едой. Жизнь здесь кипела куда ярче, чем днём.

Юйцин проводил его до входа. У самых дверей Жуньшэн вдруг остановился и в нерешительности произнёс:

— Слушай, тебе, пожалуй, лучше внутрь не ходить.

Юйцин увязался за ним только потому, что беспокоился, и хотя подобные слова не стали для него неожиданностью, на душе всё равно сделалось тоскливо.

— Хорошо, — тихо отозвался он.

Заметив его разочарование, Жуньшэн, обычно за словом в карман не лезший, замялся:

— Да я не то чтобы... Просто боюсь, не успежу за тобой. Народу там тьма, и далеко не все — люди брата Дунмина...

Юйцин понимающе кивнул:

— Тогда я подожду где-нибудь неподалёку. В одиннадцать встретимся здесь же.

Жуньшэн заметно расслабился.

— Можешь вернуться к Сяо Ма-ге, только не броди один где попало, — наказал он.

Юйцин пообещал быть осторожным и проводил взглядом Жуньшэна, скрывшегося за ярко освещёнными дверями клуба. За стеклом колыхались смутные тени — там, казалось, начинался совсем другой, чужой мир.

Он долго стоял у входа, пока поток входивших гостей не начал теснить его, и лишь тогда повернулся и неспешно пошёл обратно.

Почему-то посреди этой шумной, бурлящей толпы Юйцина охватила тихая грусть. Он подумал об Эрмяо: каково тому было раньше приходиться сюда играть на пианино совсем одному, а потом в одиночестве возвращаться домой? Неужели его грели те же печальные мысли?

Удивительно: они ведь выросли бок о бок, но порой Юйцину казалось, что между ними лежит

непреодолимая пропасть. Какая-то часть души его лучшего друга оставалась наглухо закрытой, и по мере того как они выросли, эта невидимая стена становилась лишь толще и выше.

Ли Шуминь с самого детства твердила детям, что во всём нужно знать меру. Да и Чжоу Хуэй не раз напоминала Юйцину: в отношениях с людьми всегда должна быть черта, которую нельзя переступать. Нужно уважать чужие границы и уметь сопереживать. Даже у самых близких должно оставаться личное пространство — уголок, где можно побыть наедине с собой.

«Уголок, где можно побыть наедине» — понятие довольно зыбкое. В представлении Юйцина это означало не лезть человеку в душу с расспросами и не докучать контролем. И всё же он не мог не тревожиться за Жуньшэна — это смутное беспокойство никогда не оставляло его насовсем.

Ни к кому другому из своих приятелей он не испытывал ничего подобного, ни с кем не ощущал этой внезапной, щемящей отстранённости.

Юйцин понимал: всё дело в том, что Эрмяо разительно отличался от остальных. У других, помимо друзей, были семьи, близкие родственники. А у Эрмяо за все эти годы, по сути, оставался только он сам. Конечно, тот общался со многими, но Юйцин слишком хорошо видел разницу между тем, как друг держался с посторонними и как — с ним.

Порой это знание приносило Юйцину робкую радость, но чаще — ранило душу. Жуньшэн в своём одиночестве казался слишком уязвимым.

«Может, когда Эрмяо встретит кого-то, женится и заведёт детей, эта пустота внутри него наконец заполнится?»

Размышлял Юйцин. Но до этого было ещё ох как далеко. Сначала нужно окончить учёбу, найти стабильную работу... О таких вещах думают лишь спустя годы.

А до тех пор у Жуньшэна был только он. В этот миг Юйцин отчётливо понял, о какой «вечной заботе» когда-то толковала бабушка. Впрочем, эта ноша не казалась ему тяжёлой. Оберегать Жуньшэна было для него чем-то самым естественным в жизни.

Погружённый в свои мысли, он и не заметил, как пропустил нужный поворот и оказался на незнакомой улице. Пришлось расспросить прохожего. Тот дружелюбно объяснил дорогу и подсказал, что можно срезать путь через дворы.

Юйцин доверился совету. В чужом районе сориентироваться оказалось непросто, и, поплутав по закоулкам, он неожиданно вышел к небольшому скверу.

Здесь было на удивлениелюдно. Под тусклым светом фонарей и в деревянных беседках

кучковались мужчины с сигаретами в руках. Кто-то неторопливо прохаживался вдоль берега пруда. Растерявшись, Юйцин сделал большой круг, но так и не приметил выхода. Он остановился и принялся оглядываться по сторонам.

Неподалёку стоял мужчина средних лет. Понаблюдав за юношей какое-то время, он неторопливо приблизился и вкрадчиво спросил:

— Парень, огоньку не найдётся?

Юйцин удивился такому тону, но вежливо ответил:

— Нет, извините. Спросите у кого-нибудь другого.

Однако незнакомец неожиданно ухватил его за рукав. В его голосе послышалось настойчивое нетерпение:

— Денег хочешь? Сколько? Назови цену.

Юйцин опешил. Он не понимал, чего от него хотят, но нутром почуял неладное и попытался вырваться:

— Пустите! Я не понимаю, о чём вы...

Но мужчина не разжимал пальцев:

— Да сколько угодно, только скажи...

В этот момент из темноты вынырнул какой-то парень и без лишних слов огрел навязчивого ухажёра пинком:

— Отвали, козёл облезлый. Не видишь — парень не про твою честь.

Мужчина выругался, нехотя разжал пальцы, сплюнул под ноги и быстро растворился в темноте аллеи.

Спаситель — парень с тонкими, прищуренными глазами — с любопытством оглядел Юйцина:

— Заблудился, что ли? Хотя понимаешь, куда пришёл?

— Ну... в сквер, — неуверенно промямлил Юйцин.

Парень усмехнулся и мотнул головой в сторону:

— Выход на юге, иди прямо по дорожке. И больше по ночам сюда не суйся.

Поблагодарив его, Юйцин поспешил указанным путём и действительно вскоре оказался у ворот. Напоследок он оглянулся: в глубине сквера кто-то чиркнул зажигалкой, прикуривая чужую сигарету. Мгновение спустя эти двое, обнявшись за плечи, сошли с освещённой дорожки и скрылись в густой тени деревьев.

Лишь отойдя на приличное расстояние, Юйцин вдруг осознал: в том сквере не было ни одной женщины. Только мужчины.

Ориентируясь по наитию, он наконец выбрался обратно к оживлённой улице, где находился ночной клуб. Жизнь здесь по-прежнему была ключом: за столиками дешёвых закусовых шумно пили пиво, а у входа в неприметную гостиницу в переулке стояли, пересмеиваясь, вызывающе одетые девицы.

Часы показывали глухую полночь. За день Юйцин набегался так, что ноги подкашивались, а глаза слипались от усталости. Он примостился на невысоком бордюре у перекрёстка неподалёку от входа в клуб.

Позади него спало закрытое ателье, и лишь вывеска над дверью тускло светилась в темноте. Прислонившись к тёплому пластику светового короба, Юйцин незаметно задремал.

Спустя какое-то время его разбудил шум: торопливый топот ног и резкие, командные выкрики.

Распахнув глаза, Юйцин увидел, как из дверей дешёвого отеля полицейские, точно баранов, выводят полуодетых мужчин. Их бесцеремонно заставляли опускаться на корточки, заведя руки за голову.

Один из задержанных разрыдался, пытаясь уцепиться за ногу конвоира, защёлкивающего на его запястьях наручники:

— Офицер, отпустите! Я в первый раз... клянусь, в первый!

— А ну тихо! Смирно сидеть! — рявкнул на него полицейский.

Мужчина в штатском сплюнул и проворчал под нос:

— Шли накрывать притон с девками, а выгребли целую ораву кроликов...

В сполохах неоновой рекламы Юйцин присмотрелся к рыдающему на земле мужчине и обомлел. Это был тот самый человек, который хватал его за рукав в сквере.

Не успел он взглядеться, как над самым ухом раздался знакомый голос:

— На что смотришь?

Жуньшэн подошёл неслышно и теперь стоял сзади, по-хозяйски положив руку ему на плечо.

— Ты уже закончил? — обрадовался Юйцин. — Как быстро!

— Ничего себе быстро, уже половина двенадцатого, — Жуньшэн держал в свободной руке бумажный пакет с вещами. Он уже успел переодеться в повседневную белую рубашку и чёрные брюки. Небрежным движением сорвав с воротника галстук-бабочку, он спросил заметно смягчившимся голосом: — Заждался, поди?

— Да нет, я даже вздремнуть успел, — честно признался Юйцин.

Жуньшэн ласково взъерошил ему волосы:

— Сейчас снимем комнату, и выпишься как следует.

— Надеюсь, тут поблизости есть другие гостиницы, — Юйцин кивнул на сбившихся в кучу задержанных. — В этой нам устроиться явно не светит.

Жуньшэн проследил за его взглядом и хмуро сощурился, не понимая, что происходит.

В этот момент один из молодых парней в толпе задержанных вскинул голову и отчаянно крикнул:

— Мы просто спали в номерах! За что вы нас вяжете?!

Полицейский тут же наградил его тяжёлым пинком в бок:

— За то, что мужиков трахаешь, паскуда! Тебя за такое прибить мало! — И добавил ещё один удар: — Тварь ненормальная.

Кто-то из зевак брезгливо плюнул под ноги:

— Тьфу, мерзость какая! Извращенцы паршивые.

Тут же поднялся гул неодобрения. Со всех сторон полетели насмешки и проклятия:

— Точно под обвинение в хулиганстве пойдут! Таким уродам самое место в трудовом перевоспитании, пусть повкалывают!

— Землю только топчут, уроды, тунеядцы поганые...

Из толпы прилетел камень, попав кому-то по спине. Послышался глухой вскрик боли. Дежуривший рядом оперативник лениво махнул рукой зевакам:

— Так, цирк окончен! А ну расходись, нечего тут глазеть!

Однако его окрик никого не остановил — в сторону задержанных продолжали лететь камни и грязные ругательства. Толпа улюлюкала, заливаясь издевательским хохотом.

Юйцину стало невыносимо горько. Он наконец разглядел лицо того смельчака, что возмутился задержанием, — это был парень из сквера, который защитил его от приставаний и указал дорогу к выходу.

Плечо обожгло болью — Жуньшэн вдруг стиснул его пальцами с такой силой, точно тисками. Юйцин обернулся, но лицо друга наполовину скрывала тень, не позволяя прочесть его мысли.

Тем временем осколок кирпича угодил парню прямо в лоб. Он покачнулся и завалился набок. Стоявший рядом конвоир грубо толкнул его носком сапога:

— А ну сел ровно! Кому сказано!

Юйцин больше не мог на это смотреть. словно против воли, у него вырвалось:

— Он ведь не сделал ничего плохого...

Голос его прозвучал негромко, однако гул в толпе мгновенно стих.

Воцарилось тяжёлое молчание, пока чей-то хриплый голос из толпы не выкрикнул:

— А этот щегол, походу, из их же шайки!

Зеваки тут же подхватили:

— Точно, он только что у входа тёрся!

— Да он небось сам из этого борделя только что вылез!

Один из милиционеров медленно направился к Юйцину. Жуньшэн мёртвой хваткой вцепился в плечо друга, пытаясь увлечь его назад, но они уже оказались зажаты в плотное кольцо беснующейся толпы.

В этот критический момент сквозь людской заслон протиснулся Ма Кай с охапкой дымящихся шашлычков в руках:

— Ба, да вот же вы где! А я с ног сбился, ищу вас по всем углам... — С этими словами он бесцеремонно схватил Жуньшэна за руку и потянул за собой.

Один из оперативников преградил ему дорогу:

— Стоять. Ты ещё кто такой?

Ма Кай расплылся в подобострастной улыбке, словно встретил старого приятеля:

— Начальник, да вы что, не признали? Я же тут баней заведую, за углом, вы к нам ещё париться заглядывали! А это пацаны мои, племянники. Совсем ещё глупые, молоко на губах не обсохло, приехали на каникулы и шлёются посреди ночи... — Он с силой отвесил Юйцину затрещину по загривку: — А ну марш домой, засранцы! Живо спать, натворили дел на мою голову!

Милиционер заколебался, но тут подал голос его напарник:

— Погоди, я его знаю. Баня у него и правда приличная, чистая. Но ты учти, любезный: заведение у тебя проходное, так что держи ухо востро. Сейчас в стране кампания «Суровый удар», порядок наводим железный. Заметишь какую подозрительную шваль — сразу сигнализируй нам.

— Обязательно, начальник, комар не пролетит! — закивал Ма Кай, поспешно протягивая свёрток. — Сами понимаете, служба у вас тяжёлая, ночами не спите... Вот, возьмите хоть шашлычка горячего...

— Оставь себе. Давай, забирай своих охламонов и чтоб духу вашего тут не было.

— Всё понял, больше не мешаем! — Ма Кай ловко подхватил ребят под локти и поскорее увёл прочь от греха подальше.

Они молча прошагали несколько кварталов, и лишь когда свет неоновых вывесок остался позади, Ма Кай набросился на Юйцина:

— Ты совсем без головы, парень?! Видишь такое дерьмо — беги без оглядки! Какого чёрта ты туда полез со своим мнением? Сейчас под этот «Суровый удар» заматают всех подряд без разбора. Упекут на трудовое перевоспитание — потом хоть до хрипоты ори, никто и слушать не станет!

На душе у Юйцина было скверно, страх запоздалой волной накрыл его с головой. Он попытался тихо оправдаться:

— Но он правда хороший... Я заблудился, а он помог, дорогу показал...

Ма Кай лишь тяжело вздохнул:

— Хороший он или плохой — не твоя забота. Ты его знать не знаешь.

Юйцин никак не мог уложить случившееся в голове:

— И всё-таки... за что их так? В чём их вина?

— Да за мужеложство их берут. По закону это как обвинение в хулиганстве проходит. Считается, что извращение это всё, против природы, — нехотя буркнул Ма Кай. — В общем, как-то так... А если по уму разбираться, я и сам не знаю. В наше время много чего не разберёшь. Не забивай себе голову всякой ерундой, парень. Жить надо проще — целее будешь.

Жуньшэн не проронил ни слова за всю дорогу. Он лишь продолжал мертвой хваткой сжимать запястье Юйцина, да так сильно, что кожа под его пальцами онемела от боли.

<http://bllate.org/book/19415/1988194>